

УДК 323.12

А.Р. Никифоров, доцент, канд. ист. наук,

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

пр. В.И. Вернадского, 4, г.Симферополь, 95007

E-mail: nandrey@bk.ru

КРЫМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО В ТРЕХ ПРОЕКЦИЯХ И ИЗМЕРЕНИЯХ

Предлагаются геополитический, исторический и социологический уровни измерения крымского регионального сообщества (КРС). Обосновывается вывод о латентном существовании КРС еще до периода его политического оформления в виде автономной республики. Делается вывод о том, что формирование современного КРС является итогом русского культурного и хозяйственного освоения Крымского полуострова.

Ключевые слова: *крымское региональное сообщество, кризис идентичности, этно-социальный процесс, геополитические циклы, социокультурная общность.*

Термин «крымское региональное сообщество» (КРС) постепенно становится всё более привычным как в научном лексиконе, так и в околонучном сленге. За последнее время появилась литература, в которой так или иначе обуславливается факт существования КРС, его генезис и параметры [1–4]. Однако, как ни покажется странным, отдельная работа, посвященная КРС как социальному явлению, отсутствует. Само КРС, в произведениях сторонников существования этого социального явления, как правило, выполняет некую подчиненную функцию, фигурирует в качестве некоего «х», рабочей гипотезы, используя которую можно выстраивать различные схемы, позволяющие объяснять закономерности развития политических процессов в Крымском регионе. В ином случае КРС рассматривается как неизбежная производная этих процессов, их своеобразный итог. Помимо этого отсутствует определение содержания понятия «КРС», а также описание самого явления, даже умозрительное, тем более – построенное на основе научного анализа.

Отсюда, например, – не просто разные, а диаметрально противоположные суждения о таких важных параметрах его (КРС) развития как, скажем, конфликтогенность. Одни из исследователей, в основном конфликтологи, проводящие исследования по зарубежным грантам, склоняются к выводу, что острый межэтнический конфликт в Крыму близок и практически неизбежен (ну разве что им выдадут новый грант на продолжение их исследований). Другие, иначе добывающие средства для существования, склонны к более спокойным прогнозам ближайшего будущего Крымского региона.

Не удивительно, что и представление о КРС у различных исследователей, комментаторов и политических акторов разное. Одними КРС воспринимается как относительно случайный конгломерат людей, собранных на одной территории, другими – как региональная полиэтническая (или даже протоэтническая) общность, сложившаяся в Крыму в определенных исторических условиях и в результате длительного культурно-исторического процесса.

Забегая вперед, скажем, что и целью данной статьи также является не концептуальное описание и дефиниция понятия «КРС», а, скорее, поиск материала для их конструирования. И сразу предупредим, что будем исходить из гипотезы о существовании КРС как региональной социальной и протоэтнической общности.

Нельзя сказать, чтобы ранее не предпринималось попыток выявить параметры КРС. Для этого, как правило, производились социологические измерения, результаты ряда которых нашли отражение в различных изданиях и на разных носителях [5–7]. Любопытно, что иногда такие измерения не преследовали определенной концептуальной цели, а их исполнители – едва ли могут быть заподозрены в приверженности к гипотезе о существовании КРС.

Особенность данной статьи состоит в том, что в ней предпринимается попытка сочетания различных подходов к определению параметров КРС. Попробуем рассмотреть эту гипотезу в геополитическом контексте, в исторической ретроспективе, а также – займемся интерпретацией уже упоминавшихся сведений, добытых полевой социологией в последние годы (точнее – в последнее десятилетие). Фактически речь идет о попытке рассмотрения КРС в долгосрочной (масштаб столетий), относительно среднесрочной (масштаб десятилетий), краткосрочной и актуальной (где счет идет на годы и месяцы) перспективе.

Геополитическими измерительными приборами в такую «мелкую» цель, как Крым, не попасть. Однако, рассмотрение геополитической динамики развития Причерноморского региона (определение параметров Причерноморского региона [8, с.60-61]), в рамках которого Крымский полуостров неизменно играет ключевую роль, позволяет упорядочить конгломерат исторических событий, ареной которых являлся Крым, а также – установить некоторые закономерности протекающих здесь этно-социальных процессов. И то и другое развивается циклично – в непосредственной связи с развитием и сменой геополитических циклов Причерноморского региона.

Идеальная схема геополитического цикла Причерноморья видится следующим образом.

1-я фаза. Приход в Причерноморский регион (или формирование в его пределах) новых для него геополитических субъектов. Постепенно господствующее положение занимают два из них, причем один представляет в регионе сухопутный вектор развития (т.н. «теллурократический»), а второй – морской (т.н. «талассократический»). Эти силы вступают в контакт, который может носить как характер мирного сотрудничества, так и вооруженной борьбы, но всегда оказывается плодотворен.

2-я фаза. Синтез геополитических оппонентов и (или) поглощение их третьей силой, стремящейся распространить свою власть и влияние на весь регион. Как правило, охватить все Причерноморье этой третьей силе не удастся, но она всегда нацелена на овладение ключевыми геополитическими пунктами региона – черноморскими проливами и Крымским полуостровом. Без контроля хотя бы над одним из них гегемония в Причерноморье невозможна, без контроля над обоими ключевыми пунктами такая гегемония оказывается неустойчивой.

3-я фаза. Включение значительной части Причерноморья в состав мировой империи, которая пытается установить контроль над всем регионом. Черноморское побережье в процессе территориальной экспансии мировой империи, как правило, превращается в имперскую периферию.

4-я фаза. Политическая дезинтеграция Причерноморья после гибели вмещающей его (или значительной, ключевой его части) империи. На этом этапе политическое пространство региона разрезается, подготавливается к первой фазе следующего цикла.

Первый подобный цикл можно выделить в рамках античной эпохи. Его начало датируется VI-V вв. до н.э., а завершение – III-V вв. н.э. Второй цикл (он охватывает период с начала VI по середину XIII в.) повторяет в основном ту же логику развития, которая характерна для первого. Но еще более близок по содержанию к первому циклу третий, начавшийся в середине – второй половине XIII в. и завершающийся на наших глазах (Подробнее о геополитических циклах Причерноморья [8, с. 60-64, 9, с. 13-18]).

В контексте данной статьи нас интересует, прежде всего, этно-социальный процесс, приходящийся на 2-ю и 3-ю фазы причерноморского геополитического цикла, но обнаруживающий себя нередко только на 4-й фазе. Его смысл в том, что из различных этнических компонентов, носителей различных культурных и ментальных традиций, выкристаллизовывается некая новая региональная общность.

Сложилась ли она в рамках «античного» геополитического цикла – едва ли удастся установить точно. Хотя тенденции к этому, несомненно, имелись. А вот в период крымского средневековья этот процесс привел к возникновению региональной общности, самоназвание которой можно перевести как «римляне» (ромеи, урумы), потомки которой под именем «мариупольские греки» проживают компактно на территории Донецкой области, куда их предки мигрировали из Крыма в 1778 г. Поэтому средневековое КРС можно условно назвать «греческим». Региональным языком «греческого КРС» стал местный диалект греческого языка, сообщество было объединено конфессионально, поскольку формально всё оно исповедовало православие.

В период нахождения Крыма в составе Крымского ханства (которое, в свою очередь, являлось составной частью Османской империи) существовала устойчивая тенденция к формированию на территории полуострова «тюркского» регионального сообщества. Тюркские диалекты становились языком межэтнического диалога, вытесняя с этих позиций греческий язык. Они стали родными для приверженцев различных конфессий: крымских караимов, иудеев-крымчаков, православных-урумов. Данный социальный эксперимент был остановлен в конце XVIII в., после вхождения Крымского полуострова в состав Российской империи и начала нового периода его освоения, связанного с качественным изменением этнического состава местного населения. В этих обстоятельствах процесс этногенеза на тюркской основе не был прекращен полностью. Он продолжился в более локальных масштабах, итогом чего и стало образование крымскотатарского этноса.

Тогда же, т.е. – с конца XVIII в. – начинает складываться новый вариант КРС: «русскоязычный» и, как стало модно обозначать в последнее время, «русскокультурный», который уместнее обозначить как русский. Этот вариант КРС является одним из итогов развития полуострова в рамках третьего причерноморского геополитического цикла. Именно распад СССР привел к обострению спроса на местную региональную (крымскую) идентификацию.

Общий для всего постсоветского пространства кризис идентичности в Крыму протекает под воздействием ряда специфических катализаторов. Напомним хотя бы о том, что Крым является единственным регионом независимой Украины с преобладанием среди населения этнических русских и с абсолютным лингво-культурным доминированием русского языка, причем – не только в среде этнических русских, но и среди всех остальных этнических групп полуострова, в т.ч. и крымских украинцев [10]. Кроме того, ни один другой регион Украины, да и постсоветского пространства, не имеет такого богатого (и в целом – позитивного) опыта сосуществования вернувшегося на свою историческую родину этноса и окончательно сложившегося без его участия регионального сообщества. Опыт взаимодействия двух этих общностей (одной – сложившейся в местах депортации на базе идеи возвращения в Крым; другой –

сформировавшейся в Крыму в ходе его освоения, обустройства и осмысления) поистине уникален. С одной стороны диалог двух этих общностей придает местному региональному сознанию неподражаемый колорит, с другой – работает как некий взаимный вызов, мобилизационный фактор.

Подводя итог этой части статьи заметим, что современный вариант КРС – не первый, а как минимум третий в достоверно известной исторической ретроспективе. Русский вариант КРС уже дошел в своем развитии до уровня, который достиг когда-то «тюркский», и находится на грани перехода на тот уровень, который был достигнут из известных КРС только «греческим». Дальнейшее развитие русского КРС в значительной степени зависит как от внешних политических факторов, так и от того, каким образом сложатся отношения у него с крымскотатарской этнической общностью.

Если рассматривать КРС как культурно-исторический процесс, то оно укладывается в четко заданное пространство и имеет историю своего формирования. Если с пространством в нашем случае всё предельно ясно, то вот временные параметры становления крымского регионального сообщества, как правило, оцениваются умозрительно. Нельзя ли попытаться их измерить?

Конечно, выполнить эту задачу с помощью традиционных приемов полевой социологии невозможно. Ведь измерению следует подвергнуть состояние социума в прошлом, а возможности таких замеров, по понятным причинам, ограничены. Очень важно не только найти то, что можно измерить, но и определить: что мы намерены измерять. Что именно может являться индикатором становления крымского (и любого другого) сообщества. Ведь мы говорим о латентных процессах, как бы подготовляющих рождение региональной общности. Она пока еще не готова (готовится) к действиям, оставляющим отчетливый отпечаток в анналах истории, которые недвусмысленно свидетельствуют о том, что сообщество созрело. В каких единицах и какими приборами измеряется этот процесс созревания?

Геополитический инструментарий в данном случае не подойдет по причине меньших масштабов пространства и времени исследуемого объекта, чем те, которыми оперирует геополитика. Следует проискать другой инструментарий. Или воспользоваться подручными инструментами, имеющими иное функциональное назначение, но подходящими для выполнения стоящей перед нами задачи.

В нашем распоряжении имеется собственная работа, посвященная количественным измерениям процесса изучения истории крымских городов XIII-XV вв. Первоначально они были проведены в рамках диссертационного исследования, в котором подсчеты доведены до 1995 г. [11]. Затем измерения были уточнены и продлены до 2002 г. [12].

Необходимо оговорить следующие обстоятельства. Для измерения этапов генезиса КРС хронологический период, которому посвящен имеющийся в нашем распоряжении библиографический массив, мог бы быть совершенно иным. Кроме того для этого измерения совсем не обязательно следует ограничиваться исключительно городами. Просто в данном конкретном случае нами используется не самый адекватный, но имеющийся под руками измеритель. Ситуация напоминает ту, когда у вас под рукой нет рулетки и её заменяет кусок проволоки или бечевка. Точность измерения при этом страдает, но для прикидочных замеров часто и таких приборов оказывается достаточно. Наша задача как раз и сводится к такому прикидочному замеру. Возможно, специалисты в других разделах и областях крымской науки заинтересуются предлагаемым подходом, применяют имеющиеся в их распоряжении измерители. А вот если результаты таких измерений совпадут, можно будет говорить о новом качестве полученных в итоге результатов.

С другой стороны, в ходе демонстрации самих измерений, легко убедиться, что локальная тема библиографического исследования является вполне показательной для хода всего интересующего нас социокультурного процесса. Ведь исследования истории крымских городов XIII-XV вв. проводились в ходе общей реконструкции крымской истории, предпринятой в период российско-советского освоения полуострова. Ее интенсивность тесно связана с темпами освоения Крыма в рамках этого периода. Остается проверить, возможно ли с помощью избранных нами индикаторов вычленив в процессе русского культурного освоения края линию генезиса русского же варианта КРС. Ведь это – близкий, но все-таки иной процесс, не совпадающий полностью с русско-советским освоением Крыма.

Итак, в нашем распоряжении 493 публикации, посвященные истории крымских городов XIII-XV вв. Публикации разнятся по объему и принадлежат к различным научным жанрам. Все они вышли в свет между 1800 и 2002 гг. и отнесены нами к «отечественной историографии»: почти все изданы в Российской империи, СССР, а также – на их территории после распада обоих государственных образований (1917-1921 гг., 1991-2002 гг.), принадлежат к отечественной (русской, советской) историографической традиции. Язык публикаций – преимущественно русский.

В ходе первого измерения расставим наш библиографический массив в хронологическом порядке. Для того чтобы достичь воспроизводимости результатов, выберем подходящую временную единицу измерения. Остановимся на пятилетнем отрезке. Это довольно удобно: в каждое десятилетие войдет по два таких отрезка, а в век – 20. Кроме того, пятилетка – традиционный временной отрезок для отечественной статистики. Итоги первого измерения представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика публикаций по истории крымских городов XIII-XV вв.

Годы	Кол-во публ.	Годы	Кол-во публ.	Годы	Кол-во публ.	Годы	Кол-во публ.
1800-1805	2	1856-1860	5	1911-1915	6	1966-1970	18
1806-1810	1	1861-1865	5	1916-1920	5	1971-1975	42
1811-1815		1866-1870	2	1921-1925	1	1976-1980	39
1816-1820		1871-1875	10	1926-1930	22	1981-1985	35
1821-1825	1	1876-1880	3	1931-1935	3	1986-1990	33
1826-1830	2	1881-1885	2	1936-1940	4	1991-1995	55
1831-1835	1	1886-1890	10	1941-1945	1	1996-2000	70
1836-1840	4	1891-1895	4	1946-1950	10	2001-2002	28
1841-1845		1896-1900	6	1951-1955	19		
1846-1850	2	1901-1905	3	1956-1960	12		
1851-1855	9	1906-1910	6	1961-1965	12		

Легко заметить, что процесс изучения истории крымских городов XIII-XV вв. распадается на четыре периода, характеризующихся разной степенью его интенсивности. Первый период (1800-1850 гг.) характеризуется эпизодичностью публикаций. Качественный переход намечается в 1850-1855 гг. (если точнее – в 1855 г.), что, несомненно, связано с резким повышением интереса к крымской истории (заметим – ко всей истории Крыма, а не какому-то ее отдельному периоду или прошлому той или иной части полуострова) со стороны русского общества в период Крымской войны. Второй период (1856-1925 гг.) обрывается с утверждением советской власти в Крыму. В первое советское пятилетие (1921-1925 гг.) процесс изучения истории крымских городов XIII-XV вв. практически останавливается, зато во вторую происходит настоящий взрыв публикаций. С этого нового подъема и предлагается отсчитывать начало третьего (советского) периода. В ходе этого периода обращает на себя внимание заметный скачок числа публикаций, начавшийся с отрезка 1971-1975 гг. Скачок качественный, выводящий интенсивность публикаций на новый уровень. Потому имеются все основания для того, чтобы объединить последние советские пятилетки (1971-1990 гг.) с первыми постсоветскими в один общий период. В ином случае, начало четвертого периода приходится на 1991 г., а называться он будет «постсоветским»...

Итак, мы видим, что периоды изучения истории крымских городов XIII-XV вв. в целом совпадают с периодизацией российско-советской эпохи крымской истории. В большей степени данное измерение служит подтверждением того, что наш измеритель пригоден для решения поставленной в данной работе задачи. Кроме того, наличие в нашем распоряжении периодизации «освоения крымской истории» (позволим себе такое обобщение), поэтапного вживания её в российское культурное пространство, значительно приближает нас к обнаружению в нем того пласта, где зародилось и стало оформляться КРС. Ведь оно – фрагмент и порождение российского социокультурного поля.

В ходе второго измерения попробуем определить степень участия самих крымчан в реконструкции истории средневековых городов своего родного полуострова. Конечно, и здесь не обойдется без ряда условностей. Скажем, кого считать крымчанами? Можно ли к ним отнести А.Л. Бертье-Делагарда и Л.П. Колли, если оба они попали в Крым, будучи уже взрослыми людьми? Или, скажем, считать ли крымчанином уроженца полуострова, всю жизнь прожившего в Крыму, но при этом, в отличие от двух названных выше выдающихся ученых, не испытывающего и никак не проявляющего патриотических чувств по отношению к своему родному региону? Поэтому будем измерять не людей, а учреждения.

Имеющийся в нашем распоряжении библиографический массив ранжируем на этот раз по издательским центрам. Вот какова динамика их продуктивности по выделенным на основании предыдущего измерения периодам:

Таблица 2 – Издательские центры публикаций по истории крымских городов XIII-XV вв. (количество публикаций)

Город	1800-1850	1851-1925	1926-1970	1971-1990	1991-2002	Итого
С.-Петербург (Ленинград)	6	19		11	7	55
Москва	3	4	62	72	16	157
Симферополь		23	13	5	74	115
Киев		2	5	17	12	37
Одесса	4	28	1	1		34
Свердловск (Екатеринбург)			1	21	22	44
Ереван				9		9

Продолжение таблицы 2

Севастополь			4	3	19	26
Ашхабад			5			5
Ростов-на-Дону				4		4
Харьков			2		3	5
Судак					3	3
Ужгород				1		1
Днепропетровск				3		3
Генуя			1			1
Массачусетс			1			1
Николаев						1
Нальчик			1			1
Магнитогорск					2	2
Барнаул					1	1
Баку			1			1
Берлин			1			1
Феодосия					1	1
Херсон				1		1
Красноярск				1		1

Как видим, количественные данные, полученные с помощью нашего измерителя, довольно точно совпадают с умозрительными наблюдениями, согласно которым во второй половине XIX – начале XX в. в Крыму, в рамках русскокультурного освоения полуострова, возник слой людей, которых вполне можно назвать «крымчанами», имея в виду не место их жительства, а их принадлежность к формирующемуся региональному сообществу. Затем перипетии Гражданской войны и первых десятилетий советской власти практически свели на нет этот слой. Но не его работу. Ибо остались написанные ими книги и статьи, которые попадали в руки тех, кому предстояло крымчанами стать ...

В принципе, крымчане (в нашем понимании этого слова) были почти всегда. Но их критическая масса накопилась лишь во второй половине – конце прошлого века. Именно благодаря этому в ходе длящегося поныне, постсоветского периода (1991-2... гг.), Симферополь становится главным издательским центром публикаций по истории крымских городов XIII – XV вв., Севастополь в этом рейтинге опережает и Москву, и Киев, появляются публикации, изданные в Судак и Феодосии.

Заметим, что и здесь, как и в первом измерении, «запасным» качественным переходом является рубеж 60-70-х гг. Именно начиная с этого времени ученые-крымчане постепенно берут дело изучения полуострова в свои руки. Правда, вплоть до 1991 г. издаваться им приходилось в основном в столицах. Так, в сборниках научных статей, посвященных крымскому средневековью: «Археологические исследования средневекового Крыма» (1968 г.), «Феодалная Таврика» (1974 г.), «Архитектурно-археологические исследования в Крыму» (1988 г.), «Византийская Таврика» (1991 г.), изданных в Киеве, из 13 публикаций на нашу тему 12 принадлежат крымским авторам. Вот он – латентный период созревания крымского регионализма!

Данное измерение демонстрирует и еще одно важное обстоятельство: институционализация региональной исторической науки была подготовлена предшествующим периодом. Едва ли этого факта достаточно для того, чтобы с уверенностью утверждать о подготовленности всего крымского социума к институционализации региона в статусе автономии. Но итоги проведенных измерений свидетельствуют в пользу именно такого утверждения и противоречат мнению о случайности восстановления и искусственности крымской республики.

Итак, сделанные нами измерения позволяют говорить о том, что в рамках российско-советской эпохи шел процесс вызревания КРС. Процесс этот носил волнообразный характер: социокультурные катастрофы XX века останавливали его и даже обращали вспять. Однако после этих остановок процесс поступательного развития возобновлялся.

В этой части статьи будет дана интерпретация итогов социологических опросов, проведенных различными исследователями в течение последнего десятилетия. К сожалению, вопросы, задаваемые в них крымчанам, довольно редко повторяются, а если даже в значительной степени совпадают, то различаются по предлагаемым меню ответов и прочим параметрам, что не позволяет отследить динамику целого ряда процессов, определяющих развитие КРС. Тем не менее, определенный количественный материал накоплен и способен немало рассказать об интересующем нас объекте исследования.

Начнем с довольно редкого случая, когда результаты опросов, пусть и с рядом оговорок, можно сравнить. Так, в 1999 г. были опубликованы итоги соцопроса, проведенного фирмой «КБ – САМ», в рамках которого респонденты-крымчане отвечали на вопрос: «Кем вы себя ощущаете?» (в меню: «жители Земли»; «советские люди»; «украинцы»; «русские»; «крымские татары»; «представители другой нации»; «крымчане»). Вопрос задавался молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, разделенной на две возрастные

группы: от 16 до 20 лет и от 21 до 30. В итоге, 34 % респондентов из «старшей группы» идентифицировали себя как «крымчане», а среди «младших» эта идентификация была избрана уже 40 % респондентов. На вопрос «Что вы считаете своей Родиной?» Крым был назван 47 % «старших» и 67 % «младших» [5, с. 45].

Аналогичный вопрос был задан в ходе социологического опроса, проведенного С.А. Ефимовым в 2006 г. Исследователь опрашивал крымских респондентов старше 18 лет и задал им вопрос: «Кем Вы себя, прежде всего, считаете?» (в меню: жителем своего села (поселка, города); крымчанином; гражданином Украины; представителем своего этноса, народа; гражданином бывшего СССР; гражданином Европы; гражданином мира; другое). 46 % респондентов сочли приоритетной крымскую самоидентификацию. Следующая по популярности среди крымских респондентов идентификация – «гражданин Украины» – набрала 26,8 %. Для сравнения С.А. Ефимов приводит данные аналогичного опроса, выполненного в масштабах всей Украины. Здесь картина диаметрально противоположна. Наиболее популярная идентификация в общеукраинском масштабе – «гражданин Украины» (51,6 %), а региональная (аналогичная крымской) уверенно удерживает второе место (27,2 %) [6, с.315].

Корреспондируется с данными опросами и проведенный весной 2009 г. Центром Разумкова, в котором респондентам (жителям Крыма) задавался вопрос: «Все ли крымчане, независимо от их этнического происхождения, имеют общие черты, которые отличают их от украинцев, русских и представителей других народов?». 43,0 % ответили на этот вопрос утвердительно и только 34,2 % – отрицательно [7].

Как видим, различные соцопросы, проводившиеся на протяжении десятилетия, дают близкие результаты. Мало того, можно предположить даже наличие положительной динамики в осознании крымскими респондентами своей принадлежности к КРС. Ведь в опросе 1999 г. участвовали только молодые люди, а в опросе Центра Разумкова задан гораздо более жесткий вопрос, чем просто определение приоритетной самоидентификации.

Крайне примечательно, что Центр Разумкова, который никак не заподозришь в чрезмерной благосклонности к явлениям крымского регионализма [13,14], в своем последнем комплексном исследовании, посвященном крымской проблематике, вынужден фактически признать наличие КРС, характеризующегося высоким уровнем сплоченности. Приведем несколько цитат из этой публикации: «Переважає більшість українців і росіян, які живуть в автономії, становлять єдину соціокультурну спільноту, тоді як кримські татари виразно відрізняються від них»; «Серед етнічних росіян 75,9 % відносять себе до російської культурної традиції, ще 17,4 % – до радянської. Серед етнічних українців більшість (52,7 %) відносять себе до представників російської культурної традиції (при тому, що ще 26,6 % себе відносять до радянської культурної традиції, і лише 9,7 % – до української)... Це дає підстави говорити про те, що більшість українців Криму ідентифікують себе як представників єдиної з росіянами соціокультурної спільноти, яка ґрунтується на домінуванні російськомовної культури» [15, с. 3-4].

Специалисты Центра Разумкова набрасывают ряд штрихов к портрету КРС. Оно русскоговорящее и русскокультурное, ориентированное на так называемый «Русский мир», православные духовные ценности и славянское единство. Они относят подобным образом ориентированных жителей Крыма к так называемому «славянскому сообществу», к которому, по их оценкам, принадлежат 58,7 % крымчан [15, с. 4]. Примечательно, что среди самих крымчан различных национальностей всё чаще используется самоназвание «славяне», не совпадающее с чисто этническими характеристиками. Так, например, незначительная часть «свидомых» украинцев, проживающих в Крыму (по данным Центра Разумкова – 6,5 % опрошенных), в состав «славян» не входит. В то же время, к этой общности относят себя некоторые крымчане неславянской этнической принадлежности.

Однако основой КРС все-таки является русско-украинская региональная общность. Согласно опросу Центра Разумкова, проведенному в мае 2009 г., на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что между этническими русскими и украинцами в Крыму практически нет различий, и они составляют единую социокультурную общность?» утвердительно ответили 40,1 % русских и 34,1 % украинцев. Скорее согласны с такой формулировкой соответственно 36,1 % русских и 39,6 % украинцев. Т.е., с этим утверждением согласились 76,2 % русских крымчан и 73,7 % крымчан-украинцев. Всего же в Крыму на этот вопрос положительно ответили 72,7 % респондентов-крымчан разных национальностей. Примечательно, что при ответе на вопрос: «Русские и украинцы – это один народ (социокультурная общность) или два разных народа?» был получен несколько иной результат. В данном случае только 55,8 % респондентов ответили утвердительно [7]. Получается, что 16,9 % крымчан считает единым народом только крымских русских и крымских украинцев, а не русских и украинцев вообще!

Таким, образом, измерения КРС, произведенные на трех различных уровнях и в трех разных форматах подтверждают факт его существования. Мало того, первое и третье измерения говорят в пользу наличия у КРС этнических характеристик. Наверное, об этнической общности крымчан говорить преждевременно, но существование некой протоетнической единицы с «рабочим» самоназванием «славяне» (сравните со средневековыми «ромей», «урумы»), может рассматриваться как вполне обоснованная гипотеза.

На сегодняшний день, согласно результатам наших измерений, КРС за годы украинской независимости сумело продолжить поступательное развитие, по пути которого оно зашло дальше, чем

это удавалось ему когда-либо в рамках российско-советской эпохи. Остановить это поступательное движение может или очередная катастрофа, на подобие тех, которые Крым пережил в XX веке, или же смена российского культурного поля на иное. Что по последствиям для современного КРС будет сравнимо с очередной социокультурной катастрофой...

Бібліографічний список використаної літератури

1. Никифоров А.Р. Три проекции крымской идеи / А.Р. Никифоров, А.В. Мальгин, С.Н. Киселев. — Симферополь: Крымский Архив, 1995. — 80 с.
2. Киселев С.Н. Пять постулатов крымского регионализма / С.Н. Киселев // ОстровКрым. — 1999. — № 3. — С. 42–44.
3. Мальгин А.В. Крымский узел. Очерк политической истории Крымского полуострова 1989–1999 / А.В. Мальгин. — Симферополь: Новый Крым, 2000. — 160 с.
4. Никифоров А.Р. Крымская автономия: школа региональной политики для Украины / А.Р. Никифоров // Труды Крымской Академии наук. — Симферополь: Таврия, 2004. — С. 165–172.
5. Киселева Н.В. За Перекопом для нас земли нет! / Н.В. Киселева // ОстровКрым. — 1999. — № 3. — С. 44–45.
6. Русское зарубежье. Круглый стол в Симферополе. Совместный проект Института востоковедения и Института социологии РАН «Крым: природа и люди» // Человек и природа: «вызов» и «ответ». Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». — Вып. XXXII. — М., 2008. — С. 296–325.
7. Соціологічні опитування. Крим [Електронний ресурс]. — Електронні текстові дані. — Режим доступа: http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=191
8. Никифоров А.Р. Ритмы Большого Черноморского пространства. Сверим часы / А.Р. Никифоров // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: сб. материалов. — Симферополь: СОНАТ, 2008. — С. 60–67.
9. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство / О.А. Габриелян [и др.]. — Симферополь: Амена, 1998. — 340 с.
10. Темненко В.А. Три Украины / В.А. Темненко // Таврические ведомости. — 1997. — №1. — С. 27–29.
11. Никифоров А.Р. Крымские города XIII – XV вв. в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А.Р.Никифоров. — Симферополь, 1995. — 218 с.
12. Никифоров А.Р. Процесс изучения крымских городов XIII – XV вв. (наукOMETрические изыскания) / А.Р. Никифоров, М.А. Никифоров // Россия и Крым: сб. Русского исторического общества. — Том 10 (158). — М.: Русское историческое общество – «Русская панорама», 2006. — С. 103–113.
13. Крим на політичній карті України // Національна безпека і оборона [Електронний ресурс]. — Електронні текстові дані. — 2001. — № 4. — С. 3–39. — Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/additional/analytical_report_NSD16_ukr.pdf
14. AP Крим сьогодні і завтра: територія ризику чи зона конфлікту? // Національна безпека і оборона [Електронний ресурс]. — Електронні текстові дані. — 2008. — № 10. — С. 73–88. — Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSD104_ukr_6.pdf
15. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації // Національна безпека і оборона [Електронний ресурс]. — Електронні текстові дані. — 2009. — № 5 (109). — С. 2–72. — Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSD109_ukr.pdf

Поступила в редакцію 13.06.2012 г.

Никифоров А.Р. Кримська регіональна спільнота у трьох проекціях та вимірах

Пропонуються геополітичний, історичний та соціологічний рівні виміру кримської регіональної спільноти (КРС). Обґрунтовується висновок щодо латентного існування КРС ще до періоду його політичного оформлення у вигляді автономної республіки. Робиться висновок, що формування сучасного КРС є підсумком російського культурного та господарського освоєння Кримського півострова.

Ключові слова: кримська регіональна спільнота, криза ідентичності, етно-соціальний процес, геополітичні цикли, соціокультурна спільнота.

Nikiforov A.R. The Crimean regional community in three perspectives and dimensions

Geopolitical, historical and sociological levels of the Crimean regional community dimension are offered. Justification is given for the conclusion that the Crimean regional community already existed latently before the period of its political legalization as an autonomous republic. Conclusion that the formation of the modern Crimean regional community is the result of Russian cultural and economic development of the Crimean peninsula is made.

Keywords: Crimean regional community, identity crisis, ethnosocial process, geopolitical cycles, sociocultural community.